

XIII
АВГ. 1935500
ТЕАТР ЛОПЕ ДЕ ВЕГА

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Конст. ДЕРЖАВИН

«Золотой век» испанской литературы, одним из наиболее ярких представителей которого вместе с Сервантесом и Кальдероном был Лопе де Вега, воплотил в своих памятниках торжественное величие испанской монархии. И вместе с тем, этот же век под пышным «золотым» покровом своей литературной культуры таил свидетельство о падении, разложении и неминуемой гибели великодержавной испанской мощи.

Цель исторических фактов сплела воедино величие и падение Испании. Тема величия и падения красной нитью проходит через историю испанской империи XVI—XVII вв. Эта тема составляет лейтмотив классической испанской литературы.

27 августа 1635 года скончался Лопе Феликс де Вега Карпио—прославленный поэт и комедиограф, создатель национальной системы испанского театра, автор 1800(!) драматических творений, «чудо природы»—по выражению его великого собрата и соперника по славе Сервантеса.

В это время кризис испанской монархии обозначился яркими и резкими чертами. Столетие величия сменилось столетием упадка. И тем страшней, тем глубже и трагичнее был этот упадок, чем ярче блистало призрачное величие испанского королевства. Из года в год кортесы (представительная палата) докладывали двору о нищете и разорении народных масс, об упадке старых аристократических фамилий, каждое пятилетие объявлялось государственным банкротством, вымирали и пустели целые округа, в городах останавливались веретена мануфактурных мастерских, и в портах стояли на приколе бездействующие океанские корабли.

По каменистым и пыльным дорогам старой Кастилии бродили легионы нищих. Паразитствующее духовенство и хищные монашеские ордена скапливали в своих тайниках несметные богатства. Они лежали втуне. Двор и дворянская камарилья во главе с временщиками-фаворитами, вроде графа Лермы, в слепой расточительности, с чисто азиатской варварской пышностью проживали золото, серебро и самоцветные камни, которые добывались в далеких заокеанских рудниках. Закат Испании был озарен отблесками костров инквизиции и фейерверками упомянутых дворцовых празднеств в парках Аранзуэса и Буэн-Рети.

В эту эпоху умирал Лопе де Вега—поэт, проживший славную и печальную жизнь. Десятилетия, отданные каждодневному литературному труду, несли в себе всю горечь житейских разочарований, глубоких личных трагедий, трагических увлечений и грустных раздумий, которых не могли заставить забыть ни слава первого, непревзойденного драматурга Испании, ни надетое на склоне жизненного пути одеяние духовника и члена нескольких религиозных конгрегаций. В свои молодые годы Лопе, солдат на борту одного из галеонов «Непобедимой армады», посланной к туманным британским берегам, забывал в свой аркебуз пыжи из сонетов в честь прекрасной Елены Осорио, изменившей поэту ради племянника, всемогущего кардинала Гранвелы. За три года до своей смерти он похоронил свою последнюю трагическую любовь—Марту де Неварес Сантоньо. Личное счастье так и не улыбнулось лучшему после Шекспира художнику любви в мировой драматургии.

Счастье сопутствовало Лопе де Вега в его литературной и театральной карьере. И если он не столь был взъясан милостями двора и не столь приближен к трону и к верховным правящим кругам, как его молодой соперник Кальдерон, то виной этому был отнюдь не недостаток его таланта. Величайшее счастье для таланта Лопе де Вега заключалось

именно в том, что он был отдален от тлетворного влияния дворцовых сфер. Величайшим счастьем для него было то, что, несмотря на свою идейную зависимость от «верхних десяти тысяч» и от догматов святейшей католической церкви, Лопе де Вега никогда до конца не терял своих кровных, глубоких связей с широкой народной массой, был и оставался в лучшем смысле этого слова народным поэтом своей прекрасной и несчастной страны.

Идеологию «верхних десяти тысяч» в своем творчестве выразил Кальдерон. Он—несравненный художник того разложения, того глубочайшего идейного кризиса и упадка, которым характеризовался мир мыслей и чувств наиболее сознательной верхушки испанских правящих кругов XVII века. Лопе де Вега достался другой удел—быть выразителем мыслей и чувств миллионов испанской демократии, достался удел слышать биение сердца того испанского народа, жизнью и трудом которого воздвигалось величественное здание испанской монархии.

Правда, быть может, только один раз в жизни Лопе де Вега по-настоящему ощутил и понял свое призвание народного поэта—именно тогда, когда из-под пера его вылились звучные и энергичные стихи одной из самых волнующих трагедий мировой драматургии «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»). Он отчасти ощутил это также, когда писал своего «Перибаньеса».—одну из любимых до сих пор пьес рабочих окраин испанских индустриальных центров. В общем масштабе своего творчества, Лопе де Вега не поднялся, конечно, до полного и глубокого осознания трагических судеб своего народа. Он был и оставался представителем дворянской литературы своего времени, точнее—представителем литературы мелкого, социально и политически деградировавшего дворянства, тех десятков тысяч мелких идалго, чей портрет так тонко набросан в первых строках бессмертного романа Сервантеса. И тем ярче на фоне ограниченности его классового сознания выступали нити, связывавшие гений Лопе с гением его народа, жизнью которого напоена каждая строчка его произведений.

Мелкое испанское дворянство (идальгия) в эпоху Лопе де Вега с особой остротой ощущало и переживало тот кризис, в который на долгий срок вступила его страна. Мелкое дворянство, разоряясь, деклассируясь, теряя свое социальное лицо и экономически сливаясь со всей массой бесправного населения, проходило жестокую школу этого кризиса. С правящими верхами его соединяли сплошь и рядом только формальные узы. По существу своему оно вынуждено было становиться на путь классовой оппозиции «верхним десяти тысячам», на путь того внутреннего сопротивления новым порядкам эпохи владычества аристократической камарильи, которое столь красноречиво заявляет о себе в приписываемой Лопе де Вега трагедии «Звезда Севильи». В этой оппозиции таились возможности широкого контакта мелкого дворянства с народной массой, возможности, политически им почти не использованные, если не считать знаменитого восстания коммунаров, в котором принимало участие немало мелких разорившихся и деклассированных дворян. Лопе де Вега в своем творчестве очень часто и очень глубоко ощущал эти возможности, отчего его творчество насыщено живым восприятием действительности, реалистической яркостью образов, отчего оно в основном свободно от крайностей католической реакционности и от той идеалистической метафизики, которые держали в своем плену мощный гений Кальдерона.

Лопе де Вега создал систему испанского национального театра. Это значит, прежде всего, что он